

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART III. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 2

Culture and anthropology research journal. 2024. № 2

Научная статья

УДК 398+94(47)+902/904(47)

Историческая интерпретация образа Василисы Премудрой

Мжельская Татьяна Владимировна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Выявление исторических корней происхождения мотивов или персонажей является актуальным и перспективным направлением изучения русских волшебных сказок. В данной статье приводятся аргументы в пользу того, что сказочный образ Василисы Премудрой сформировался в результате трансформации мифологической языческой богини. Так, героиня обладает сверхъестественными способностями: способностью к оборотничеству и полету в образе птицы, она может посещать потусторонний мир и возвращаться, создавать новые миры, может призывать духов предков, которые помогают ей в выполнении трудных задач. Сюжет «Царевны-Лягушки» является фрагментом более раннего эпического текста, посвященного рождению великого героя. В этом случае образ Василисы Прекрасной сопоставим с героинями Нартовского эпоса и древнегреческих легенд. Специфика воцарения героя в эпизоде с выстрелами из лука имеет параллели в традициях многих индоевропейских народов мира, а оборачивание в лягушку сопоставимо с древнейшими представлениями о древнем божестве, связанном с материнством, плодородием, мудростью. Основным итогом данной работы является следующее: в образе Василисы Премудрой воплотились древнейшие представления о богине (возможно богине плодородия), характерные для многих народов мира.

Ключевые слова: русские волшебные сказки; Василиса Премудрая; языческая богиня

Для цитирования: Мжельская Т. В. Историческая интерпретация образа Василисы Премудрой // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 40–50.

Scientific article

Historical Interpretation of the Image of Vasilisa Premudrya

Tatiana V. Mzhelskaya¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. Revealing historical roots of plots or characters in fairy tales is a relevant and promising area of research investigations. The article proves that the image of Vasilisa the Wise was originated from a pagan goddess. She has such supernatural powers and abilities, as transformation or flying as a bird. Vasilisa the Wise can visit the other world, create new worlds, communicate with ancestor spirits that help her to solve difficult tasks. The plot of the fairy tale called “The Frog Princess” is an example of earlier epics devoted to hero’s birth. In this respect, the image of Vasilisa the Wise can be compared to heroines of Nart epic or Greek legends. Enthronement of the hero in the scene with a bow and arrows can be found in traditions of a range of Indo-European nations. Her ability to turn into a frog can be associated with an ancient goddess of motherhood, fertility and wisdom.

The article concludes that the image of Vasilisa the Wise embodies ancient ideas of a goddess (perhaps, a goddess of fertility) which is typical for mythology and folklore of various nations.

Keywords: Russian fairy tales; Vasilisa the Wise; pagan goddess

For citation: Mzhelskaya T. V. Historical interpretation of the image of Vasilisa Premudrya. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 40–50.

Изучение механизмов формирования и трансформации русских сказок, как и фольклора любых других народов, напрямую отражает процесс развития и становления человеческого общества. Развитие систем осмысления мира, одной из которых выступает сказка, берет свое начало от осознания себя и своего места в мире до полного противопоставления себя этому миру и миру природы. Осознание своего места начиналось с определения и дифференциации окружающей среды на места священные и утилитарные. Постепенно это оформляется в трехчленное деление мира: на мир небесный, мир земной и мир подземный. За каждым из миров закрепляются определенные функции, смыслы и значения для жизни социума, каждый получает свой рассказ о происхождении и трансформации. Границы между этими мирами оставались долгое время подвижными, что было связано с текучестью и диффузностью представлений о мире. Согласно А. А. Пелипенко, человек «мифоритуальной системы мыслит в логике ... диффузных и многозначных семантических комплексов, любые связи ситуационны, нелинейны и вариативны. За каждым из миров постепенно закрепляются определенные структуры знаков, которые начинают передаваться из поколения в поколение» [16, с. 33].

«Постепенно в сознании человека формируется представление о делении мира на центр (Я-общество) и периферию или свое и чужое. Причем понятие центра связывается с конкретным местом нахождения того или иного сообщества, которое может перемещаться вместе с ним, в дальнейшем это порождает представление о центре мира, мировом дереве и т. п. и само пространство начинает разворачиваться именно от этого центра. Центр становится отправной точкой формирования и оформления пространства и места проживания человека и богов» [21, с. 53].

Одним из вариантов закрепления и оформления представлений об окружающем мире становится миф, а позднее сказка. Существование и рождение

семантических, знаковых образов означало разделение в человеке и закрепление двухполушарного восприятия мира (правополушарного и левополушарного). По мере отдаления знака и его содержания от конкретного предмета и явления происходит снижение сакральной функции мифологического образа до бытового, социального образа сказки. Но и миф, и сказка сохраняют в себе возможность связи человека со всеми составляющими его картины мира. Они демонстрируют подвижность границ между разными мирами, отражающую одну из характеристик мифологического сознания – его синкретичность, и закон его функционирования – закон метаморфоз, или принцип всеобщего оборотничества. В жизни социума символом этой текучести мира являются обряды инициации, которые являлись способом перехода из одного состояния в другое. Соответственно, миф и сказку можно рассматривать не только как способ освоения мира, но и как способ организации жизни социума.

Исследование особенностей образов героев волшебных сказок является актуальным в связи с возможностью осмысления путей формирования отношений человека с миром или мирами, которые отражают не только пространственные, но и временные трансформации сознания древнего человека, находящие свои проявления и в современности. Формирование типов героев сказок ведет свое начало от мифологических героев или образов, за которыми закреплялись определенные свойства и функции. Трансформации образов подобных героев, как правило, связаны с пространственным представлениями и временными перемещениями между различными местами и мирами.

Образы героев волшебных сказок в полной мере отражают специфику культур устного типа, связанную с возможностями таких героев перемещаться между мирами, находить различные способы решения проблем, благодаря обладанию некими уникальными способностями.

Целью статьи является изучение особенностей образа Василисы Премудрой в русской сказке для выявления исторических корней его формирования с привлечением широкого круга источников как из русской, так и из мировой культуры.

Русские волшебные сказки как объект исследования давно привлекают внимание исследователей. Изучаются структура, сюжеты, мотивы и другие аспекты данных источников. В контексте заявленной в статье темы наибольший интерес представляют публикации, в которых рассматриваются те или иные аспекты отдельных персонажей сказок [14; 15; 17 и др.]. Особенно отметим работу В. Я. Проппа «Исторические корни волшебных сказок», в которой автор для аргументации своих идей привлекает значительное количество материалов из мирового фольклора.

Возможности изучения персонажей, мотивов или сюжетов русских волшебных сказок во времени, особенно их формирования в глубине веков наиболее перспективны, если основаны на археологических материалах. В данном кон-

тексте ранее были рассмотрены сказки «Сивко-Бурко» и «Царевна-Лягушка» [10; 12; 13].

Царевны в качестве объекта исследования также привлекают внимание исследователей, предлагаются их типологии, рассматриваются отдельные характеристики [4; 14; 17; 22].

Василиса Премудрая встречается в нескольких отличающихся по сюжету сказках. Определим общие черты, присущие героине.

1. В имени героини уже видна ее особенность: Василиса – значит царственная, Премудрая – происходит от слова «мудрость», под которой понимают глубокое знание, понимание чего-либо, которые накапливает народ или культура на протяжении многих лет, а также умение использовать свои знания и опыт так, чтобы принимать разумные решения и совершать разумные поступки [19]. Приставка *пре-* означает превосходную степень понятия. Таким образом, уже само имя показывает высокий социальный статус героини и ее значительный уровень знаний.

2. Василиса Премудрая обладает чудодейственными свойствами – она может оборачиваться в животных (если оборачивается в птицу, то проявляет умение летать), призывать помощников или сама производить предметы и действия, которые позволяют говорить о ней как о демиурге, посещать тридцатое царство Кощея или царство Морского царя (т. е. потусторонний мир).

3. Василиса Премудрая ведет свое происхождение от хтонических существ: Кощея Бессмертного или Морского царя.

Рассмотрим две последние черты более подробно.

Исследователи неоднозначно высказываются о способности Василисы Премудрой к оборачиванию. Так, А. В. Жучкова не считает героиню оборотнем на том основании, что при превращении в лягушку у нее не меняется внутренняя сущность. Следовательно, превращение в лягушку не может быть отнесено к ведовству или оборачиванию, так как действует она не по своей воле [6]. Однако сама автор не отбрасывает полностью способность Василисы к оборотничеству, показывая, что она может обернуться белой лебедью. С нашей точки зрения, вывод А. В. Жучковой не совсем корректен, так как для того, чтобы выполнить задания царя, Василиса *самостоятельно* сбрасывает с себя кожу, а потом обращается обратно в лягушку. Неспособность полностью избавиться от облика лягушки у героини объясняется гневом отца – Кощея Бессмертного, у которого сверхспособности явно сильнее. Отметим, что в других сказках у Василисы Премудрой проявляется способность к оборачиванию, причем не только себя, но и других героев [1, сказки № 219, 222].

В контексте заявленной темы наибольший интерес вызывает то, что героиня оборачивается «лягушкой, жабой и змеей и прочими гадами». Интересное замечание делает В. П. Федорова: она обращает внимание на то, что Василиса Премудрая – существо трехвидное (змея, лягушка, человек). Родившись от Кощея Бессмертного, она должна быть змеей, родной его дочерью. Видимо, в этом образе соединились черты двух героинь-тотемов: змеи и лягушки [20]. Таким

образом, мы можем говорить о тождественности образов лягушки и змеи в контексте специфики представлений древних об окружающем мире [13, с. 553].

Образу лягушки в сказках посвящено довольно значительное количество работ. Исследователей привлекают параллели из фольклора разных народов, что позволило сделать вывод о том, что сюжет о лягушке пришел к нам очень издавна, через мифы, сказки и жития [6]. В мировой культуре сохранились сведения о лягушке как божестве, ее связи с плодородием и сотворением мира, она также обладает способностью к превращению людей в других существ [20]. Г. Н. Кузьменко считает, что в образе Василисы Премудрой мы видим девушку, которая происходит из родовитых семей и должна создать семью, которая впоследствии возглавит родовую общину [8, с. 20, 27]. Автор разрабатывал вопросы получения «образования» в архаическом обществе. По его мнению, девочку уводили в особое место, волшебное место обучения (пещеру, волшебный лес, святилище), где она должна измениться, уподобиться местным обитателям. Поэтому (в сказке – *Т. М.*) она может принять облик животного, бестелесного духа или иного существа. Закончив «образование», Василиса сбрасывает кожу (оборачивается из лягушки в человека) и, таким образом, изменяет свой «социовозрастной» статус (становится женой и матерью) [8, с. 53].

В Нартовском эпосе был выявлен эпизод «Женитьба нарта Хамыца», который имеет определенные параллели с «Царевной-Лягушкой». Молодая жена Хамыца днем находилась в облике лягушки (есть варианты в облике черепахи), над героем также насмеются его родичи, после одного из пиров, оскорбленная героиня покидает мужа. Анализ данного эпизода позволил сделать вывод о том, что часть сюжета сказки «Царевна-Лягушка» является фрагментом более раннего эпического текста, посвященного рождению великого героя. При этом были определены параллели с легендой, посвященной рождению другого великого героя – Ахилла. Таким образом, можно говорить о наличии универсальной парадигмы, которая описывает рождение любого эпического экстраординарного персонажа. Это в итоге позволяет говорить о некоем общекультурном мифо-эпическом мотиве «Рождение великого героя», практически без потерь воспроизводящемся в самых разных героических традициях и отражающемся в сказочном наследии, в частности, русской сказке «Царевна-лягушка» [9]. Исходя из этого можно говорить о том, что и Василиса Премудрая может быть сопоставима с теми матерями, с которыми связано рождение великих героев древности. Дополним эту идею следующими замечаниями. Мать Хамыца Дзерасса является дочерью владыки водной стихии Донбеттыра, она может оборачиваться птицей и скрываться в подводном царстве своего отца. Матерью Ахилла является Фетида, морская богиня, которая может обращаться в разные стихии, животных, в том числе змею. Дополним эту часть рассуждений следующим: лягушка также связана с водной стихией, кроме того, в ней таится женское начало [7].

Как было сказано выше, можно идентифицировать два образа: лягушки и змеи. Это позволило привлечь к анализу археологические материалы и выявить определенные черты сходства со змееной скифской Ехидной,

трипольскими статуэтками, палеолитическими венерами, что стало основой для вывода о глубокой древности формирования образа Василисы Премудрой [13]. О трипольских статуэтках эпохи энеолита стоит сказать особо. Их связывают с аграрной магией на основании наличия в тесте зерен и муки, а также специфических изображений на теле. Скорее всего, в фигурках отражалась идея плодородия, символически выраженная в женском облике. Это еще не богиня, а просто женское естество, олицетворяющее рождающую силу земли [18, с. 186–189]. Важно отметить наличие у некоторых из них на груди изображения змей (ужей), символизирующих воду, дождь. Иконографический мотив воды в первобытном искусстве нередко изображался в виде змеи. Она была, в первую очередь, магическим символом силы, породившей жизнь. Культ змей был связан с богиней плодородия [3, с. 72]. Связь ужа с водой, поливающей землю для взращивания урожая, сопоставима с молоком матери [18, с. 187]. Отметим также, что в источниках прослеживается связь лягушки с молоком [2, с. 120].

По мнению Б. А. Рыбакова, формирование женского образа началось в эпоху палеолита. Сказка же специфическим образом отражает ритуальные действия эпохи неолита и даже более раннего времени, периода позднего палеолита. Особое отношение к женщине базируется на присущей только женщинам способности рождения, т. е. – на материнстве, которое в архаичную эпоху интерпретируется магически. Впоследствии появляются пантеистические учения Древности, в которых первоисточником мира признавалось великое божество женского рода [8, с. 8, 9, 135]. Пожалуй, самые выдающиеся сверхъестественные способности проявляет Василиса Премудрая в «Царевне-лягушке». Существует несколько вариантов сказки. В данном случае нас интересуют эпизоды, в которых героиня выполняет задания царя. Есть варианты, где Василиса вызывает помощников (мамок-нянек). Здесь нашла отражение традиция обращаться к духам предков за помощью, которая фиксируется этнографами у многих народов мира. В этом случае перед нами способность повелевать определенными силами, которые выполняют задачи, поставленные царем. В двух вариантах есть подробное описание полученных изделий. В первом «изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами», он был сделан помощницами. В варианте, где Василиса сама печет хлеб, его описание дается более подробно: «изукрасила каравай узорами мудреными: по бокам – города с дворцами, садами да башнями, сверху – птицы летучие, снизу – звери рыскучие». В этом же варианте Василиса Премудрая сама тклет ковер: «где кольнет иглой раз – цветок зацветет, где кольнет другой раз – хитрые узоры идут, где кольнет третий – птицы летят». Как видим, Василиса не просто выполняет задачу царя, а практически создает новый мир. Особенно эта способность проявляется у нее во время пляски на пиру. Здесь она особенно ярко выступает в роли культурного героя, демиурга и творца, обладающего божественной природой (т. е. строит новый мир) [2, с. 112, 122, 123; 13]. Таким образом, в одном из вариантов Василиса Премудрая трижды выступает в роли демиурга, т. е. каждый раз, когда выполняет трудные задачи, заданные царем.

Отметим, что в большинстве вариантов сказки она создает озеро с лебедями, но в одном из вариантов во время пляски появились леса и воды, стали летать разные птицы [1, сказки № 267, 269]. Таким образом, в тех вариантах, где Василиса сама выполняет задания царя, она проявляет умения, накопленные в облике лягушки, которые реализуются в дальнейшем («детей добывать») и «чудесное умение»: шить, ткать, печь, танцевать [8].

Исследователи уже обращали внимание на ритуальный характер пляски Царевны-лягушки. С их точки зрения, она отражает языческие обрядовые действия, производимые в весенний период годового цикла. Они имеют значение магических приемов, возрождавших природу после ее «умирания» на зиму. Обрядовое «воссоздание» и отражение в сказочном превращении остатков питья и трапезы из рукавов Василисы в леса, воды и птиц. Среди архетипов, нашедших свое выражение в русальском танце и ритуальной функции его исполнения, важное значение имеет архетип Великой матери или Матери-Земли. Изготовление хлеба, полотенец, а особенно участие в плясках связывают с семейными, календарными обрядами, в том числе русалиями [5].

Б. А. Дорошин, указывая на многослойность образа Царевны-Лягушки, определяет наиболее значимые семантические и архетипические аспекты. Отметим наиболее важные из них в контексте изучаемой темы – символ матери, связь с «родовой сферой»: сонмом духов предков и царством мертвых, тотемным предком. Также исследователь определяет связь с самим истоком жизни и божеством, которое ее породило [5].

В двух сказках есть прямое указание на происхождение Василисы Премудрой, так как указаны отцы: Кощей Бессмертный и Морской царь. Оба персонажа являются хтоническими существами (из иного мира), именно от них она наследует власть над стихиями и магические способности. В. Я. Пропп также отмечал водяную природу змея, с которым связана идея плодородия. Образ водяного змея засвидетельствован уже на самых ранних ступенях общественного развития [17, с. 217, 218].

Отметим еще один аспект образа Василисы Премудрой из сказки «Царевна-лягушка». Он связан с особенностями воцарения героя. То, каким образом произошел выбор невесты – путем выстрелов из лука, имеет глубокий исторический контекст. Он связан с тем, что у многих индоевропейских народов лук и стрелы являются атрибутами царской власти, а выстрелы из них производятся во время ритуалов, связанных с воцарением или периодическим подтверждением права на власть. То, каким образом Василиса Премудрая становится женой царевича, отличает «Царевну-Лягушку» от других сказок [11].

При анализе любой сказки, особенно волшебной, надо учитывать, что она отразила ряд эпох и представляет собой многослойное явление. Каждая эпоха вносила что-то свое, опираясь на более ранние формы сюжета, когда он еще не был собственно сказкой, не отвечал законам сказочного сюжета [20]. Определенная трансформация происходит и с персонажами, которые проходят путь от мифологического к сказочному герою.

Глубокая древность формирования образа Царевны-лягушки уже отмечалась исследователями, приводились параллели из фольклора разных народов мира. «Тожественные по своему характеру архетипические образы обнаруживаются в несоприкасающихся друг с другом культурах, что исключает объяснение их возникновения заимствованием. Все архаические культуры, будь они земледельческими или же морскими, почитали женское начало в образе Матери Великой Богини. Имена этой богини многочисленны, поскольку у каждого племени, каждого народа существовал свой локальный культ <...>. Ибо самые разные человеческие общества – цивилизованные либо варварские – находили точку соприкосновения и возможность взаимопонимания в одном и том же культе Великой Богини» [3, с. 70]. Исторический контекст формирования образа Василисы Премудрой основан на следующем: этот персонаж сформировался в результате трансформации мифологического образа языческой богини (возможно богини плодородия). Основанием для такого заключения стали как специфические черты героини, так и особенности сюжета сказки «Царевна-Лягушка». Василиса Премудрая обладает способностью к оборотничеству и полету в образе птицы, она может проникать в потусторонний мир и возвращаться, создавать новые миры. Данные способности она получает, так как является дочерью хтонических существ (Жоцея Бессмертного или Морского царя). Она также может призывать духов предков, которые помогают ей в выполнении трудных задач.

Анализ сюжета «Царевны-Лягушки» позволил выявить, что он является фрагментом более раннего эпического текста, посвященного рождению великого героя, который имеет общемировое значение. В этом случае образ Василисы Прекрасной сопоставим с героинями Нартовского эпоса и древнегреческих легенд. Немаловажным является происхождение всех указанных героинь, связанное с морской (или водной) стихией, их способность к оборачиванию.

Оборачивание Василисы Премудрой в лягушку или змею (причем можно говорить о мифологической идентичности этих образов) также имеет глубокий смысл. Так образ лягушки (и змеи) в исторической ретроспективе представляется древним божеством, связанным с материнством, плодородием, мудростью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1087 с.
2. **Баранов Д. А., Мадлевская Е. Л.** Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян (Семантический комментарий) // Сборник Музея археологии и этнографии. – СПб., 1999. – Т. XLVII. – С. 111–131.
3. **Галут О. В., Лях В. И.** «Змееногая богиня» как символ диалога культур Северного Причерноморья // Социально-гуманитарный вестник. – Краснодар: Краснодарский гос. университет культуры и искусства, 2013. – С. 69–74.
4. **Гудкова Е.** Как Василисы Премудрая и Прекрасная появились в русском фольклоре и были ли у них прототипы? Культура. РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/vasilisa> (дата обращения: 08.04.2019).

5. **Дорошин Б. А.** О некоторых социоантропокосмических мифо-архетипических мотивах русской народной сказки «Царевна-лягушка» // Сборники конференций НИЦ. Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 70–75.
6. **Жучкова А. В.** Образ лягушки как символ внутренней трансформации героя в русском и немецком фольклоре // Вестник славянских культур. – 2014. – № 4 (34). – С. 107–115.
7. **Караваяева Е. В., Волкова Л. Д.** Некоторые особенности русского национального мировосприятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6 (121). – С. 17–23.
8. **Кузьменко Г. Н.** Василиса Премудрая: сказочные проекции архаичного образования. – М.: [б. и.], 2014. – 194 с.
9. **Луговой К. В., Мжельская Т. В.** Русский сказочный сюжет о царевне-лягушке в контексте осетинской героико-эпической традиции // Культурно-антропологические исследования. – 2011. – Вып. 1 (3). – С. 125–130.
10. **Мжельская Т. В.** Василиса Премудрая: сказочный образ в контексте археологии // Дела и дни: Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. – С. 158–162.
11. **Мжельская Т. В.** Мотив воцарения героя в русской волшебной сказке «Царевна-лягушка» // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах. – Новосибирск: НГПУ, 2014. – С. 276–284.
12. **Мжельская Т. В.** Русская волшебная сказка «Сивко-Бурко» в контексте археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-6 (62). – С. 87–93.
13. **Мжельская Т. В.** Русская волшебная сказка «Царевна-лягушка» в контексте археологии // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Издательский дом «Наука», 2017. – С. 551–555.
14. **Мелетинский Е. М.** Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – М.; СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. – 249 с.
15. **Новик Е. С.** Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. – С. 214–246.
16. **Пелипенко А. А.** Постижение культуры: в 2 ч. – Ч. 2: Мифоритуальная система. – Кн. 1: Медиационная парадигма. – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2017. – 503 с.
17. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2002. – 240 с.
18. **Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. – М.: Академический проект, 2013. – 640 с.
19. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2430/> (дата обращения: 03.04.2023).
20. **Федорова В. П.** От мифа к сказке (к проблеме эстетики сюжета о Царевне-лягушке) // Вестник Челябинского государственного университета. – 1997. – Т. 2, № 1. – С. 104–113.
21. **Чапля Т. В.** Пространство архитектуры: от пространства места к пространству отношений // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 49. – С. 51–63.
22. **Штемберг А. С.** Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе? // Пространство и Время. – 2011. – № 4 (6). – С. 218–229.

REFERENCES

1. Afanasyev A. N. Russian folk tales. The complete edition in one volume. Moscow: ALPHA-BOOK Publ, 2018, 1087 p. (In Russian)
2. Baranov D. A., Madlevskaya E. L. The image of a frog in embroidery and mythopoeic representations of the Eastern Slavs (Semantic commentary). *Collection of the Museum of Archeology and Ethnography*. St. Petersburg, 1999, Vol. XLVII, pp. 111–131. (In Russian)
3. Galut O. V., Lyakh V. I. “Snake-footed goddess” as a symbol of the dialogue of cultures of the Northern Black Sea region. *Social and Humanitarian Bulletin*. Krasnodar: Krasnodar State University. University of Culture and Art, 2013, pp. 69–74. (In Russian)

4. Gudkova E. How did Vasilisa the Wise and the Beautiful appear in Russian folklore and did they have prototypes? Culture. RF [online]. URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/vasilisa> (accessed: 04.08.2019). (In Russian)
5. Doroshin B. A. On some socioanthropocosmic mytho-archetypal motifs of the Russian folk tale "The Frog Princess". *Collections of conferences of SIC. The sociosphere*, 2010, no. 1, pp. 70–75. (In Russian)
6. Zhuchkova A. V. The image of a frog as a symbol of the inner transformation of a hero in Russian and German folklore. *Bulletin of Slavic cultures*, 2014, no. 4 (34), pp. 107–115. (In Russian)
7. Karavaeva E. V., Volkova L. D. Some features of the Russian national worldview. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2012, no. 6 (121), pp. 17–23. (In Russian)
8. Kuzmenko G. N. Vasilisa the Wise: fabulous projections of archaic education. Moscow: [B. I.], 2014, 194 p. (In Russian)
9. Lugovoy K. V., Mzhelskaya T. V. The Russian fairy tale story about the frog princess in the context of the Ossetian heroic-epic tradition. *Cultural and anthropological studies*, 2011, Issue 1 (3), pp. 125–130. (In Russian)
10. Mzhelskaya T. V. Vasilisa the Wise: a fabulous image in the context of archaeology. *Cases and days: Siberia, Russia, the world in the research and educational space*. Novosibirsk: Publishing House of the National Pedagogical University, 2017, pp. 158–162. (In Russian)
11. Mzhelskaya T. V. The motive of the hero's accession in the Russian fairy tale "The Frog Princess". *History and Historiography of Russia and Siberia in research and educational contexts*. Novosibirsk: NSPU, 2014, pp. 276–284. (In Russian)
12. Mzhelskaya T. V. The Russian fairy tale "Sivko-Burko" in the context of archeology. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, no. 2-6 (62), pp. 87–93. (In Russian)
13. Mzhelskaya T. V. Russian fairy tale "The Frog Princess" in the context of archeology. Omsk: Nauka Publishing House, 2017, pp. 551–555. (In Russian)
14. Meletinsky E. M. The hero of a fairy tale. The origin of the image. Moscow; St. Petersburg: Academy of Cultural Studies, Tradition, 2005, 249 p. (In Russian)
15. Novik E. S. The system of characters of the Russian fairy tale. Typological research on folklore. Moscow: The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka", 1975, pp. 214–246. (In Russian)
16. Pelipenko A. A. Comprehension of culture: in 2 hours – Part 2: The mythological system. – Book 1: The mediation paradigm. Moscow: Political Encyclopedia; Presidential Center of B. N. Yeltsin, 2017, 503 p. (In Russian)
17. Propp V. Ya. The historical roots of a fairy tale. Moscow: Labyrinth, 2002, 240 p. (In Russian)
18. Rybakov B. A. Paganism of the ancient Slavs. Moscow: Academic project, 2013, 640 p. (In Russian)
19. Dictionaries and encyclopedias on the Academic [online]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2430/> (accessed 04.03.2023). (In Russian)
20. Fedorova V. P. From myth to fairy tale (to the problem of aesthetics of the plot about the Frog Princess). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 1997, vol. 2, no. 1, pp. 104–113. (In Russian)
21. Chaplya T. V. The space of architecture: from the space of place to the space of relations. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2018, vol. 49, pp. 51–63. (In Russian)
22. Stenberg A. S. Heroes of Russian folk tales: Who are they and why do they behave the way they do? *Space and Time*, 2011, no. 4 (6), pp. 218–229. (In Russian)

Информация об авторе

Т. В. Мжельская, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5256-6247>, mzel08@mail.ru, Новосибирск, Россия

Information about the author

Tatiana V. Mzhelskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Novosibirsk State Pedagogical University, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5256-6247>, mzel08@mail.ru, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 30.01.2024

Одобрена после рецензирования 03.03.2024

Принята к публикации 19.04.2024

The article was submitted 30.01.2024

Approved after reviewing 03.03.2024

Accepted for publication 19.04.2024